

Вместо предисловия

(к первой публикации в 2002 году в ИФ РАН диссертации А.А.Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному»)

С удовольствием откликаясь на просьбу дирекции Института философии РАН предоставить рукопись кандидатской диссертации моего ближайшего друга А.А. Зиновьева «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К.Маркса» для публикации к 80-летнему юбилею автора, я хотел бы сказать несколько слов об атмосфере, в которой происходило написание и защита этой работы. Речь идет не об анализе ее содержания и роли в отечественной философии, хотя такое исследование само по себе было бы в высшей степени актуальным, и я надеюсь, что кем-нибудь и когда-нибудь оно будет осуществлено, а именно об атмосфере духовной среды ее появления. Это были конец 40-х — начало 50-х годов теперь уже прошлого века.

В понимании познания советские философы в те годы руководствовались ленинской формулой: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. В этой формулировке, которая кажется очень прозрачной, ясной, четкой, в действительности скрывается, затушевывается, замазывается, заговаривается суть процесса мышления. На самом деле процесс мышления идет не так. Он может идти от живого созерцания, а может идти от опыта, который есть итог, совокупность всего тобою наблюдаемого в жизни. Из этого опыта черпаются, собственно говоря, и интеллектуальные задачи, и никакого конкретного здесь нет, здесь есть, наоборот, некий на ряд явлений, фактов, переплетений, сумятица, в котором еще трудно разобраться. И все это становится достоянием твоих чувств, твоего воображения. В канонизированных в те годы текстах классиков была и работа Маркса «К критике политэкономии», где во введении говорится о восхождении от абстрактного к конкретному, конкретное понимается как конкретное в мышлении, синтез многих абстрактных определений. Думающие люди, в частности, мы, студенты, терялись: «Как же так? Нас учили по Ленину, от живого созерцания, то

Александр Зиновьев. 1966.

есть от чего-то конкретного я иду к абстрактному мышлению, а потом возвращаюсь к практике не для того, чтобы смотреть, а для того, чтобы уже действовать. А Маркс задает иной, прямо противоположный ход познавательного процесса. Это возникшее в литературе, а затем и в преподавании расхождение очень сильно действовало на людей, которые приобщались к философии.

В ленинской схеме пропускался важнейший этап мыслительной работы человека, а именно, усвоение конкретного в мышлении. Конкретное есть в двух видах или существует в двух видах: конкретное вне тебя, и причем то конкретное, которое не обязательно ты должен раскусить, познать — а вот оно есть. Этих конкретностей чрезвычайно много. А есть некое конкретное, которое обретает определенность, когда человек ставит перед собой какую-то определенную интеллектуальную задачу. И тогда все переворачива-

Папка с одной из копий диссертации А.А. Зиновьева. Передана К.М. Кантору для публикации в Аргентине, возвращена через 40 лет. Хранится в Государственном Литературном музее (Россия)

ется, и исходным материалом становится не то единичное конкретное, с которым ты сталкиваешься, а тысячи или более чем тысячи реальных наблюдений, твоих прошлых знаний, знаний, накопленных до тебя и зафиксированных в литературе и так далее. И это все разбросанный, несобранный материал. И мне кажется, что начинается все с того, что человек, перед которым стоят познавательные задачи, сначала неким образом группирует элементы реальности, которые он наблюдал, о которых он читал, слышал, думал и так далее. И вот в ходе обработки этого невероятно огромного жизненного материала, который может накапливаться в течение десятков лет, он вытаскивает некоторые определения, которые являются совершенно абстрактными. Это — всегда целый набор абстракций, которые вычленяются человеком из предстоящего опыта, с помощью фантазий, чувства, воображения и т.д., и благодаря которым опыт как бы поднимается на более высокий уровень сознания, лучше даже сказать, на уровень «второго» сознания, сознания о сознании, потому что материал первичного опыта — это тоже материал сознания. На этом втором уровне только и начинается истинно человеческое мышление. И это первая операция, которую человек осуществляет. На втором этапе познания он сталкивается с массой осуществленных им абстракций, абстрагировании, определений, дефиниций, каждый из

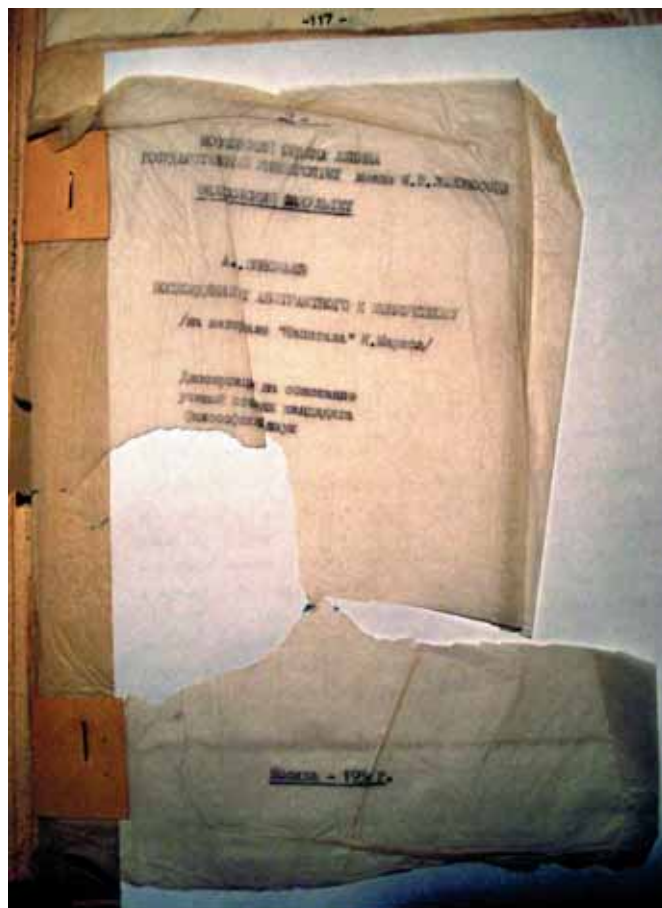
которых вычленяет какую-то одну сторону, одно свойство какого-то объекта, не обязательно конкретного, живого. Но как соединить эти абстракции, чтобы потом в результате получить то, что мы ищем. Здесь, на мой взгляд, опять-таки вмешивается снова опыт, я в данном случае имею в виду опыт, как его понимал Эйнштейн, опыт как некий итог жизненного познавательного процесса человека, который направляет мысль к соединению этих самых абстракций. Потом уже, после того, как ты понял примерно направление соединения абстракций, встает вопрос, как их соединить. Здесь важно наличие некоторых тоже вне данного процесса, а в методологии, совершенного другой дисциплине, разработанных методов, приемов, соединения абстракций для получения органического целого, для воспроизводства конкретного в самом сознании. Собственно наличие конкретного в сознании в отличие от конкретного в самой действительности и абстракции в сознании — это то, о чем сказал Маркс, и то, что у нас, в советской философии очень четко зафиксировал Ильенков. Он об этом написал, произведя невероятное впечатление на всех, включая и профессуру, которые привыкли к ленинской формулировке из «Материализма и эмпириокритицизма» о человеческом познании: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Но Ильенков не говорил о том, как абстракции суммируются в конкретное.

В отличие от Ильенкова, который просто зафиксировал этот непохожий на утвержденный Лениным порядок познания человеком мира, после того как это всех оглушило, огорошило, удивило, и возразить ничего не могли, последовал второй удар, мощнейший, когда А.А.Зиновьев предложил саму методологию восхождения от абстрактного к конкретному. Найти ее у Маркса невозможно, ее нет. Она у него есть в том смысле, что внутренне присутствует в самих рассуждениях, в тексте «Капитала», но ее нет как выявленной, как вычлененной, как представленной особым образом логики. Разработал ее Зиновьев. Как Маркс начал с товара, который есть исходная клеточка, а потом из нее вытащил все противоречия и дошел до капитала — вот точно также Зиновьев нашел исходную клеточку в методологии и затем, шаг за шагом, фиксируя каждый раз в соответствующей категории, раскрыл логический механизм получения конкретного знания.

Вот, собственно говоря, то, что сделал Зиновьев в отличие от Ильенкова. Ильенковский вклад имел значение, но то, что сделал Зиновьев — это было вообще невероятное, потому что никому в голову не приходило, насколько мне известно, не только у нас, но и на Западе, среди тех, кто занимался диалектикой Маркса. Только говорили: «Существует не только формальная логика, а существует еще диалектическая логика. А какая она, диалектическая логика?» Зиновьев первый показал, что диалектическая логика, оказывается, есть, и диалектическая логика — именно логика, аналогом которой может быть развитие общества, именно общества, ибо диалектика природы, как считал и доказывал уже в те годы Зиновьев, является выдумкой Энгельса и свидетельствует о непо-

нимании сути дела, но исходным материалом которой является само мышление. Мыслить логикой диалектической — вообще, не есть всеобщее достояние в отличие от логики формальной. Сложные этажи, высокие этажи формальной логики, они тоже не доступны человеку неподготовленному, и тем более это касается диалектической логики, которая предполагает сознательное усвоение методологии, сознательное усвоение категорий этой диалектической логики, которая совсем не похожа на законы «исключенного третьего» и т.д. Все что придумал Аристотель, все, что придумали вслед за Аристотелем знаменитые формальные логики — все это для диалектической логики не годится. Пионером создания диалектической логики, конечно, в общем-то, является Гегель. Начатки ее в антиномиях Канта тоже можно рассмотреть. Несомненно, антиномии — это зародыши понимания диалектической логики, но по-настоящему разработал диалектическую логику, конечно, только Гегель. И развитую форму придал ей Маркс. Но Маркс спрятал ее в исследование конкретного предмета, а именно, политэкономии капитала. Зиновьев проделал как бы обратную работу — расколдовал эту политэкономию под углом зрения того метода, с помощью которого и был построен весь «Капитал». «Капитал» весь может пойти к чертям, ничего не стоит, он может быть ошибочным от начала и до конца. Но не ошибочным остается метод, который был применен и который был выявлен таким образом. Чтобы проделать эту работу Зиновьев, как он мне тогда сам говорил, прочитал «Капитал» 16 раз. С цифрой я могу ошибиться, может быть, восемнадцать, но то, что это не шесть и не десять, я это помню очень хорошо. Он сейчас, может, сам забыл, сколько раз он читал, но в наших беседах в ответе на этот вопрос мне запомнилась цифра 16. Мы не уточняли — три тома или не три тома. Я думаю, что три-то тома наверняка. Но вряд ли четвертый.

Учились мы не в самое благоприятное время для изучения философии. Когда Сталиным была объявлена книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — вершиной марксистской философии, написанная для «Краткого курса истории ВКП(б)» самим Сталиным глава «О диалектическом и историческом материализме» считалась высшим достижением философии. Изучать философию было очень трудно, ибо всякое несогласие с этим, всякое отрицание этого, всякое самостоятельное толкование, конечно же, встречало резкий отпор со стороны преподавателей и самих студентов. И в этих условиях Зиновьев проявил невероятное мужество мысли и человеческое мужество. Зиновьев был студент 3-его курса, и у него, у студента, уже тогда были ученики. Что значит ученики? Чему он учил? У него не было никакого особого предмета, он учил философии. Учил философии, учил критическому отношению к тем оценкам истории философии или фигур философских, которые навязывались курсом философского факультета. Вот так бы я сказал. И особенно это касалось марксистско-ленинской философии. К примеру, он говорил мне в 48-м, примерно, году, что первым вульгаризатором марксизма был Энгельс. Я отвечал: «Саша, побойся Бога, как как? Вот Энгельс сделал то-то, то-

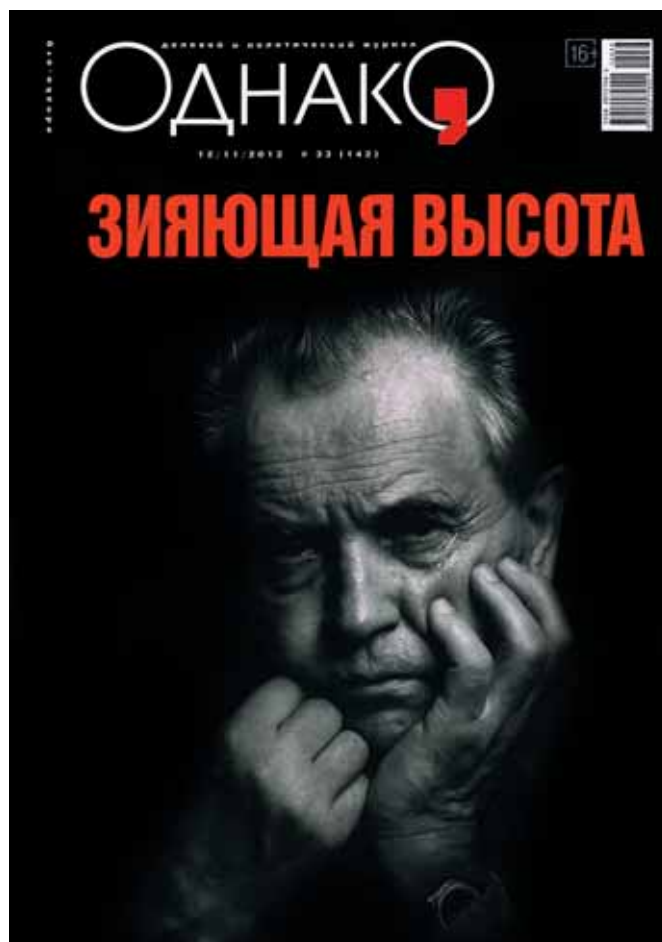

Одна из копий диссертации А.А. Зиновьева. Передана К.М. Кантору для публикации в Аргентине, возвращена через 40 лет. Хранится в Государственном Литературном музее (Россия)

то...». Все это правильно, продолжал он, но ты почитай его «Диалектику природы», — ведь это совершенный бред, вся диалектика природы надуманна, ты что-нибудь подобное у Маркса найдешь?. Это воспоминание об одном моменте такого критического удара по сознанию в противовес тому, что говорилось. Презирал работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», иначе ее не называл как «Мцизм-мцизм». «Ты пробовал, — он меня спрашивает, — когда-нибудь читать Маха и Авенариуса?». Я говорю — «не пробовал». Он говорит: «Попробуй. Они на десять голов выше Ленина, который их критикует. Критикует он Богданова. «Ты читал Богданова?» и т.д. А потом мне в руки попала книжка Богданова против книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», и я понял, насколько Саша был прав. Я хочу сказать, что он привлекал неожиданностью, своим углом зрения на изучаемые предметы, казалось бы выверенные и проверенные, и утвержденные и т.д. И это наиболее способных и критически настроенных ребят, желающих знаний, к нему привлекало. Вокруг него всегда собирались, если он где-то в аудитории или на улице, но на улице меньше. На улице он не любил ходить гуртом. А потом отобралось среди них несколько людей, которых он обучал диалектической логике. Фактически он прочитал им, но не систематически, в виде лекций, а прочитал свою книгу как курс диалектической логики, вот эту самую диссертацию он прочитал. В число

этих людей входили Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Борис Грушин. В основном, эти трое. В какой-то степени заглядывали «на огонек» и другие. И все вообще на факультете знали, что вот есть такой небольшого росточка худенький парень, философ, который умеет думать по-своему. Это задевало всех. Они могли не вникать в то, что он именно говорит и чему он обучает и с чем он не согласен. Но что вот есть такой вот с виду вроде бы человек, который умеет мыслить. Умение самостоятельно мыслить — это была черта, которая к нему привлекала и студентов, и аспирантов, надо сказать. Иногда преподавателей, того же Алексеева, который прислушивался к тому, что говорит Зиновьев. Очень уважительно к нему относился Асмус, бесспорно совершенно. Они замечали — это талант. На третьем курсе уже все видели, что он не как все, другие.

Когда появился автореферат диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному» на материале «Капитала» Маркса, все бросились на него. Потом назначается день, день защиты. Комната, где шла защита, небольшая была, ну, там человек на тридцать, она битком набивалась, человек до ста стояли, прижавшись друг к другу. И что всегда отличало Сашу — сохранять спокойствие, что бы ни говорили, как бы ни говорили, у него всегда был четкий, ясный ответ на все вопросы, которые задавали члены Ученого совета. «Ну, а как же Ленин сказал, а как же то, а как же это?» Он спокойно отвечал и замолкал. А потом шло голосование — диссертация проваливается. В коридорах люди стояли, ждали результата. Его чуть не на руках выносили как триумфатора, хотя его только что завалили, а он выглядел, в глазах уже так сказать, расширившегося числа его почитателей и ценителей как триумфатор. Он действительно был триумфатором, так оно и было. Я в свое время занимался Чернышевским и знал, что примерно так проходила защита Чернышевского его диссертации об эстетическом отношении искусства к действительности. И не знаю, сколько — два или три раза, но его тоже засыпали. Ему не давали степени. И потом, каким-то чудом ему эту степень дали. Защита Чернышевским его диссертации была событием философской жизни Петербурга. Это факт. Точно также событием философской жизни Москвы была защита Зиновьева. Слух о том, что идет такая защита, очень быстро распространился, приходили студенты. Он защищался три раза. Выступали сами представители Ученого совета и говорили: «У нас все-таки не было единогласного решения. И поскольку решение было не единогласным, и диссертация спорная, у нас есть основание еще раз вернуться и еще раз рассмотреть». Вот так. Но когда последний раз завалили все-таки, третий раз, тогда решили передать в ВАК. И он защищал диссертацию в ВАКе, и комиссией ВАКа там единогласно был утвержден. Паузы между защитами были небольшими. Я, например, помню, что на вторую защиту я привел своего друга Григория Чухрая. «Получишь удовольствие, послушаешь спектакль хороший и с хорошим главным актером — Зиновьевым». Я два момента хочу выделить: не только сам факт защиты, а то, что ей предшествовало, то внимание, которое он к себе привлек, те последо-

Специальный выпуск журнала «Однако», посвященный 90-летию со дня рождения Александра Зиновьева на тему «Зияющая высота» (№ 33 (142), 12 ноября 2012 года)

Тимофей Сергейцев

После Маркса. Философия деятельности. О главной работе Александра Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному»
На сайте «Зиновьев.Инфо»:

<http://zinoviev.info/wps/archives/419>

Дмитрий Куликов

Точка опоры. Наследие Александра Зиновьева — единственное, что позволит нам сформировать русскую философию XXI века

На сайте «Зиновьев.Инфо»:

<http://zinoviev.info/wps/archives/418>

Искандер Валитов

Остаться в живых. Работы Зиновьева и Щедровицкого — и есть наша современная русская философия

На сайте «Зиновьев.Инфо»:

<http://zinoviev.info/wps/archives/417>

ватели, которые у него возникли, умение убеждать в необычных своих мыслях. Это ему было дано, дано еще студенту.

Сам Зиновьев был горд тем, что он сделал, он понимал значение своего открытия. Работа эта и сегодня сохраняет свою ценность и даже актуальность. И, видимо, институт поступает правильно, что не меняет в тексте ни одного слова. Может быть автор сейчас многое исправил бы, ввел некоторые новые понятия, новые категории. Он бы мог раскрыть кухню того, как он это сделал. Ведь непосредственно в диссертации этого нет. Может быть он это еще сделает. Опубликовать диссертацию важно еще и по той причине, что она оказала огромное влияние на развитие нашей философии. Достаточно сказать, что ближайшие ученики Зиновьева — Щедровицкий, Грушин и Мамардашвили отдельные главы его диссертации развернули в собственные кандидатские исследования. Они просто взяли и расширили. А Мераб сделал сначала кандидатскую, потом эту кандидатскую превратил в док-

торскую. Рассказывали мне об этом тот же Грушин, или тот же Мераб и особенно Щедровицкий. Щедровицкий его почитая как гения.

Кандидатская диссертация А.А.Зиновьева явилась началом его исключительно богатой по тематике и результатам творческой биографии. Сразу после нее он занялся формальной логикой и своими работами вывел ее на мировой уровень. В художественной литературе он создал новый жанр — социологический роман. В социологии осуществил переворот в понимании советского коммунизма, современного Запада, основных путей социальной эволюции общества. За эти неполные 50 лет, которые прошли после написания и защиты кандидатской диссертации в 1954 году, им написаны многие десятки книг. И тем не менее, на мой взгляд, публикация сейчас, с таким опозданием работы о логике «Капитала» К.Маркса остается одним из самых выдающихся достижений А.А.Зиновьева.

1966 год

Киноклуб

Документальный фильм «У стен Москвы» (5 серий)

Год выпуска: 2001

Страна: Россия

Жанр: документальный фильм

Продолжительность: 02:04:37

Режиссер: Виктор Васильев

Фильм первый - «Вторжение»

В фильме анализируются события, связанные с началом второй мировой войны и вторжением немецко-фашистских оккупантов на территорию СССР. В фильме принимают участие: академик, генерал - лейтенант О.Г. Газенко, писатель, профессор философии А.А.Зиновьев, драматург В.С. Розов и другие участники этих исторических событий.

Фильм второй — «Ключ от столицы»

В фильме анализируются события первых дней Великой Отечественной войны: направление главного удара немецко-фашистских захватчиков на Москву, сдача Смоленска, организация системы ПВО, эвакуация мирного населения и промышленных объектов. В фильме принимают участие: академик, генерал - лейтенант О.Г. Газенко, писатель, профессор философии А.А.Зиновьев, народный артист России В.А.Левашев и другие участники этих исторических событий.

Фильм третий — «Пепел над городом»

В фильме отражены события августа - октября 1941 года: действия советских партизан, мобилизация мирного населения, организация народного ополче-

ния, создание московской зоны обороны, паника в Москве. В фильме принимают участие: академик, генерал - лейтенант О.Г. Газенко, писатель, профессор философии А.А.Зиновьев, народный артист России — В.А.Левашев и другие участники этих исторических событий.

Фильм четвёртый — «Парад»

В фильме отражены события октября — ноября 1941 года: бои на ближних подступах к Москве, парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. В фильме принимают участие: академик Г.А.Арбатов, генерал-полковник, профессор П.Д.Гудзь и другие участники этих исторических событий

Фильм пятый — «Первая победа»

В фильме анализируются события начала зимы 1941 года: битва за Москву, контрнаступление советских войск. В фильме принимают участие: профессор истории, князь Д.М.Шаховской, академик, генерал — лейтенант О.Г. Газенко, писатель, профессор философии А.А.Зиновьев, академик Г.А.Арбатов и другие участники этих исторических событий.

Предварительный просмотр на сайте «Зиновьев.Инфо» по адресу:
<http://zinoviev.info/wps/archives/555>